

Происхождение языка: послесловие к дискуссии

Конечно, никакие «итоги» или «выводы» из состоявшейся дискуссии неуместны: до окончательных ответов на многочисленные вопросы, касающиеся происхождения языка, нам еще очень далеко. Однако кое-что, как мне кажется, все-таки проясняется.

Основной спор идет между теми, кто считает, что человек (и его язык) представляет собой продукт тех же природных эволюционных процессов, что и все живое на земле («эволюционисты»), и теми, кто считает, что человек (и человеческий язык вместе с ним) возникли (были созданы, сотворены и т.д.) одновременно («креационисты»). Это называется *creation — evolution controversy*, и этому в Интернете посвящено громадное количество текстов¹.

Креационисты утверждают, что «факты однозначно указывают на то, что люди были сотворены вместе со своей уникальной способностью использовать речь для

Николай Борисович Вахтин
Европейский университет
в Санкт-Петербурге
nvakhtin@gmail.com

---

¹ В США, в Далласе, существует частный *Institute of Creation Research* (создатель его — Генри Мэдисон Морган, 1918–2006), присуждающий собственные научные степени (и авторы, пишущие под эгидой этого Института, обязательно укажут свои научные степени — см. следующие две сноски). Невольно вспоминается дискуссия в предыдущем номере «АФ» относительно внешних признаков паранаучных текстов: по-видимому, скрупулезно перечисляемые научные степени и звания авторов тоже можно отнести к таким признакам. Об истории и теории креационизма см.: [Numbers 2006].

общения»¹, а также что «происхождение человеческого языка — способность людей общаться друг с другом с помощью членораздельной, знаковой, часто абстрактной устной и письменной речи — остается полной загадкой для эволюционистов»².

Эволюционисты уверенно говорят, что «и тело, и разум человека произошли путем эволюции от более ранних приматов» и что «то, что человеческий разум является продуктом эволюции, — не атеистическая теология. Это неоспоримый факт» (см.: [Марков 2011: 15] со ссылкой на редакционную статью “Nature” 2007 г.).

Оставим пока в стороне креационистов: если принять, что человек (и его язык) есть результат одномоментного творения или просто «взял и возник», то никаких дальнейших научных вопросов не возникает.

Если же принять, что человек и его язык есть продукт эволюции, то сразу появляется множество вопросов и разногласий; кажется, что эволюционистов объединяет только отрицание креационизма — как протестантов объединяет исключительное неприятие авторитета Папы Римского — а во всем остальном они расходятся. В частности — расходятся в ключевом вопросе: в оценке *скорости* эволюции. Градуалисты уверены, что переход от СКЖ к человеческому языку мог происходить только постепенно; сторонники скальсионного³ принципа считают, что этот переход мог произойти скачком.

Вроде бы никто не сомневается в том, что человеческий язык *принципиально иной*, чем системы коммуникаций животных (хотя между последними также существуют значительные расхождения). Сомнения и разногласия начинаются, когда мы (а) пытаемся сформулировать, *в чем же состоит это принципиальное отличие*, и (б) пытаемся объяснить, *как именно* это принципиальное отличие могло получиться эволюционным путем. (Возможно, что эти два вопроса связаны: это принципиальное отличие должно быть такое, какое могло получиться эволюционным путем.)

---

¹ “The evidence conclusively implies that humans were created with the unique ability to employ speech for communication” (Brad Harrub, Ph.D., Bert Thompson, Ph.D., and Dave Miller, Ph.D. The Origin Of Language And Communication. The TrueOrigin Archive 2003 <<http://www.trueorigin.org/>>).

² “The origin of human language — the ability of men and women to communicate with one another in intelligent, symbolic, often abstract speech and writing is a complete mystery to evolutionists” (Henry Morris, Ph.D. The Mystery of Human Language. Institute of Creation Research <<http://www.icr.org/>>).

³ От англ. saltation — ср. лат. saltus ‘скачок’.

Пусть даже мы признаем, что эволюция шла не семь миллионов лет, т.е. очень долго, а «всего» два миллиона¹ — все равно получается, что человеческий язык эволюционировал постепенно, а потом постепенно накапливавшиеся количественные отличия, как и положено по навязшим у всех в зубах Гегелю с Энгельсом, скачком перешли в качество, и получилась система принципиально иная.

Но — как происходил этот скачок? Как мы можем его смоделировать? Внезапная мутация? Сальтационный принцип? Вот что пишет по этому поводу Светлана Бурлак: «Если даже в какой-то момент родится мутант с резко выраженными “прогрессивными” чертами <...> с точки зрения своих сородичей он будет абберантом, не вызывающим сексуального желания, и полового партнера с максимальной вероятностью не найдет <...> Вероятность же одновременного появления в одном и том же ареале двух разнополюх мутантов, у которых (обоих одновременно!) есть не только необходимые “прогрессивные” черты, но еще и стремление предпочитать не “стандартных” сородичей, а себе подобных, исчезающе мала». Событие с исчезающе малой вероятностью — это другое имя для чуда. И далее: «Если коренная ломка и случилась в какой-то из группировок гоминид, то эта популяция должна была неминуемо прекратить свое существование <...> и предоставить освободившееся место выходцам из тех окрестных группировок, где коренных ломок не было, изменения накапливались постепенно, и в каждый данный момент взаимопонимание между членами группы сохранялось на приемлемом уровне».

Получается, что изменения могут быть только очень медленные, незаметные глазу. Но как тогда быть со «скачком»? Если же скачка не было, то возникает вопрос о том, может ли система *постепенно* эволюционировать в *принципиально* иную. С.А. Бурлак, несомненно, права, когда утверждает: «Совершенно очевидно, что, если человеческий язык не был привнесен извне <...>, а сформировался эволюционным путем из некоторой предшествующей коммуникативной системы, должны непременно существовать некие законы природы, управляющие эволюцией коммуникативных систем». Вопрос только в том, что это за законы. И решительное утверждение С.А. Бурлак, которое цитирует А.Г. Козинцев («Ничего принципиально невозможного для природы в человеческой языковой способности нет»), возможно, и верно, но если это верно,

¹ Александр Козинцев пишет: «Спор о том, когда эта грань была перейдена, вряд ли разрешится в ближайшем будущем. Оценки варьируют от 2,5 млн до 40 тыс. лет назад».

то хотелось бы увидеть *модель перехода* от СКЖ (хотя бы одной) к полноценному человеческому языку.

А если прав А.Г. Козинцев и возникновение человеческого языка — это ломка, «а вовсе не плавный переход, который видится градуалистам»? Если действительно «язык несовместим с природным состоянием, <...> несовместим с их [животных] способом существования. <...> Естественный отбор укрепляет видоспецифическую поведенческую (в том числе коммуникативную) норму, тогда как язык и культура ее расшатывают и уничтожают»? Этот переход видится А.Г. Козинцеву как радикальная смена вектора естественного отбора: «До “стадии шимпанзе” он [отбор] поощрял врожденные референтные сигналы-индексы, а после этой стадии стал направлен на создание принципиально новой системы коммуникации, основанной на символах». Опять-таки: возможно — но что произошло? Почему отбор резко сменил направление?

О том же пишет и Бикертон, позицию которого пересказывает в своей рецензии А.Н. Барулин: «Следует обращать внимание не на различия [между СКЖ и человеческим языком], а на то, с какого “волшебного мига” начинают накапливаться принципиально новые свойства системы, превращающие ее в нечто совершенно отличное от того, что было». И далее: «Задача состоит в том, чтобы в эволюции человека найти такой момент, когда сильно поменялось поведение наших предков, а в репертуаре сигналов, обслуживающих их поведенческие программы, найти такие, которые легче всего могут быть трансформированы в элементы языка».

Прочитую еще одно замечание А.Г. Козинцева, которое кажется мне очень важным: «Чтобы научиться пользоваться символами, нужно не только затормозить врожденное автоматическое реагирование, но и “разучиться” уже усвоенному реагированию по условно-рефлекторному типу <...> Существам, подошедшим к границе между природой и культурой, пришлось не усовершенствовать, а отвергнуть любые предоставляемые природой коммуникативные средства и выбрать новые. Произошло то, что можно назвать “революцией в эволюции”. Я сравнил данное событие с переводом стрелки на рельсах, благодаря чему путь, на который встали предки человека, необратимо удалился от эволюционных путей всех прочих живых существ».

Итак, разброс мнений, как это обычно и бывает, включает все логически мыслимые варианты: (1) переход произошел *внезапно*, (2) переход произошел *постепенно* или (3) переход произошел *«диалектически»*: сначала постепенно, а потом внезапно.

Еще раз: если *постепенно*, то как получилась принципиально иная система? Если *внезапно* или *диалектически*, то что произошло? Почему популяция перешла грань, отделяющую не-человека от человека и человеческий язык от СКЖ? Что перевело стрелку на рельсах эволюции?

Как справедливо пишет Барулин (со ссылкой на Хаузера), СКЖ «представляют собой довольно однородный тип коммуникативных систем, который существовал и исправно служил своим владельцам порядка полутора миллиардов лет. И лишь человек был поставлен в такие условия, что ему пришлось прервать эту устойчивую традицию».

Что это за условия?

А.Г. Козинцев ссылается на Томаселло, который считает возникновение символов языка результатом сотрудничества: «Коммуникативные конвенции возникли сами по себе, когда живые существа, способные к подражанию с переменной ролей и к по-настоящему сложному кооперативному общению, осуществляемому при помощи жестов, переняли друг от друга путем подражания различные изобразительные жесты» [Томаселло 2011: 191–192]. Иными словами, заключает Козинцев, язык — явление целиком социальное.

Томаселло уделяет в своей книге этому вопросу много внимания. Вся его гипотеза строится на предположении, что «кооперативная коммуникация человека возникла как неотъемлемая составляющая специфически человеческих форм сотрудничества». Правда, он не берется объяснять «эволюционное происхождение повышенной предрасположенности человека к сотрудничеству» [Томаселло 2011: 151].

Мне близка идея социальных причин происхождения языка (А.Г. Козинцев прямо пишет: «Язык — явление целиком социальное»). Язык появился тогда, когда членам сообщества потребовалось общаться друг с другом. Мне кажется только, что «социальное» в человеческом смысле и «социальное» у животных различны не менее, чем человеческий язык и СКЖ.

Александр Марков, как кажется, недооценивает это различие. Его анализ [Марков 2011: 237–248] «гипотезы макиавеллиевского интеллекта» очень уж человеческий: ваш репродуктивный успех, пишет он, зависит от того, сумеете ли вы повысить свой социальный ранг, умело манипулируя соплеменниками, каждый из которых стремится к тому же, что и вы. Для того чтобы оставить больше потомства, вы должны быть не просто хитрым — нужно быть хитрее соплеменников. Вашими эво-

люционными соперниками являются ваши же собратья. Тут требуется интеллектуальное превосходство; запускаются процесс «гонки вооружений» и положительная обратная связь, «которая может привести к взрывообразному росту мозга и интеллекта». Мутант с более крупным мозгом получает преимущество, мутация распространяется, интеллектуальный уровень популяции растет: «Любая мутация с минимальным положительным влиянием на интеллект сразу поддерживается отбором» [Марков 2011: 246–248].

Это очень похоже на правду — с одной оговоркой: как-то грустно от мысли, что триггером процесса является борьба за власть. Интриги, подсиживания, коварство, хитрость... Какое-то это все слишком человеческое. Слишком макиавеллиевское. «Социальное» у обезьян и «социальное» у человека... Когда мы используем одно и то же слово для обеих ситуаций, не обманываем ли мы себя? Не совершаем ли ту же ошибку, как когда приписываем животным намеренность, когда на самом деле их поведение регулируется «правилом Гамильтона», превосходно описанным тем же Марковым [Марков 2011: 293–305] (и особенно [Марков 2011: 302])? Ведь между сообществом людей и сообществом животных явно есть существенная разница — может быть, и между «социальным» животных и «социальным» человека тоже есть различия?

Итак, сухой остаток: медленное накапливание новых свойств, затем «скачок», тот самый *saltus* и переход в новое качество. Каких свойств? И главное — скачок ведь тоже не мгновенный, у скачка тоже есть временное измерение. Сколько он длился? Вряд ли одно поколение (иначе чем это отличается от креационизма?). Десять поколений? Сто? И что там за это время происходило? Вряд ли «скачок» затронул разом все стороны языковой системы — скорее всего, вначале изменилось что-то одно, потянувшее затем за собой лавину изменений. И должно было появиться что-то настолько значимое, чтобы система коммуникации, верой и правдой служившая миллионы лет, вдруг оказалась непригодной.

Ответа на все эти вопросы у меня, естественно, нет, но есть некоторые соображения (вполне дилетантские), которыми я хотел бы поделиться с читателями. Мои дальнейшие рассуждения вполне подпадают под то, что Александр Барулин удачно назвал «методом приложения пальца ко лбу».

Ключевое отличие между сообществом животных и сообществом людей состоит в том, что человеческое сообщество

складывается из *индивидов, осознающих себя таковыми*, а сообщество шимпанзе (птиц, волков, муравьев, пчел...) состоит из членов сообщества, которые не осознают себя индивидами. Следствие из этого различия осознания / не осознания грандиозно и, в общем-то, очевидно. Осознание себя как личности, т.е. «я», влечет за собой осознание другого как «ты» (или наоборот: сначала другого как «ты», потом себя как «я») и вместе с этим — осознание *предела смены ролей*. Ты меня кусаешь — я тебя кусаю. Груминг: я тебя, потом ты меня. Я кормлю твоего малыша — ты кормишь моего малыша. Ты отнимаешь у меня пищу — я отнимаю у тебя пищу. Я защищаю тебя — ты защищаешь меня. Роли взаимозаменяемы, ты или я — в общем, не существенно. И так очень долго, почти бесконечно. Почти — но все-таки не совсем. В какой-то момент должно было прийти осознание того, что у этой смены ролей есть предел.

Осознание себя как индивида, осознание себя как личности с абсолютной неизбежностью ведет за собой другое осознание — *осознание конечности своего личного существования*. Не знаю, как обстоит дело у шимпанзе со страхом смерти, но думаю, что кроме инстинктивного, присущего всему живому нежелания умирать, стремления от смерти спастись, бежать, отбиться любой ценой, они — и все другие животные — вряд ли об этом задумываются, пока нет непосредственной угрозы жизни. Но когда особь осознала себя личностью и вместе с этим *осознала, что смертна*, борьба с этим всепоглощающим ужасом становится не просто важным делом, она становится гораздо важнее всех остальных дел: важнее еды, важнее потомства, важнее инстинктов и важнее естественного отбора. Как примирить «я» и «я смертен», как не сойти с ума от невозможности их примирить?¹

Я живо представляю себе несчастных, впервые осознавших, что смертны не только они сами, но и все соплеменники, все потомки, все предки, вообще — все живое. Как это вообще возможно? Как может существовать такой мир? Оказывается, что

¹ Тут требуется оговорка (спасибо за этот вопрос А.К. Байбуруну). Я не имею в виду ту «концепцию “я”», которая появляется в новое время, когда человек осмелился помыслить себя не просто как индивида, но и как личность (видимо, не впервые в истории — еще Протагор говорил, что «человек есть мера всех вещей», но Бог его знает, что он под этим имел в виду...), как независимую ни от кого и ни от чего самодостаточную и самоценную сущность. Да, «[о]бщественному и художественному сознанию древнерусского человека до XVII в. было чуждо понятие о единичной конкретной личности, индивидуальности, о самосознании, об отдельном человеческом “я” как носителе социальных и субъективных признаков и свойств» [Виноградов 1994: 271]; но это именно потому и верно, что к этому времени человек уже справился — на определенном этапе — с той самой страшной дилеммой. Я же говорю о временах гораздо более отдаленных, когда человек не только еще не совладал с этой проблемой, но лишь впервые ее осознал.

ответ на этот вопрос чрезвычайно важен. Оказывается, что нет ничего важнее познания мира: только знания, только размышления могут помочь решить эту страшную дилемму. Нужно срочно выстроить такую картину мира, в которой это жуткое противоречие оказалось бы не таким жутким. Иными словами, срочно нужна культура.

Не случайно А.Г. Козинцев вводит в процитированную выше формулировку противопоставление природы и культуры («Существам, подошедшим к границе между природой и культурой, пришлось не усовершенствоваться, а отвергнуть любые предоставляемые природой коммуникативные средства и выбрать новые»).

Что такое, в сущности, культура, как не серия попыток ответить на вопрос о смерти? Сохранить убитое животное в изображении; в имени; в слове... нарисовать его и себя на скале... вырезать из дерева, камня... рассказать другим о нем... о себе... Передать это знание потомкам... Осознать наличие иной воли, управляющей всем живым на земле... Осознать смерть как ошибку, как результат нарушения — вообще-то мы должны были жить вечно, но что-то пошло не так, причитавшееся нам бессмертие досталось другому — змеям, деревьям, траве...¹ Придумать — о, великое прозрение! — дуализм души и тела, чтобы можно было сказать: это всего лишь мое тело смертно, а душа — нет. Придумать — о, гениальное озарение! — верхний мир, куда уходят наши души. Нет-нет, мы вовсе не умираем, мы просто перекочевываем туда, где нас не видно — зато нам оттуда все видно очень даже хорошо. Путь туда долог и труден, многое нужно взять с собой. И нам нужно помочь дойти, и потом помочь вернуться: остающиеся не должны нас забывать, не должны забывать первоначального устройства мира, чтобы нам было куда вернуться, чтобы наше место оказалось незанятым. И дальше, к идее данного свыше закона, к идее соблюдения этого закона как праведности и нарушения закона как греха, и к идее посмертного воздаяния за праведность и за грех, и дальше, к великой идее единого Бога, и еще дальше, к идее любви как пути к бессмертию...

Именно этим и были озабочены все религии: их дело — ответить на вопрос о смерти. И каждый раз, найдя очередной ответ, люди на время успокаивались, начинали легче относиться

---

¹ Кажется, никто не сомневается, что человек как вид сформировался в Африке. И хотя весьма вероятно, что речь здесь идет о совсем разных временных масштабах, не могу не упомянуть одну параллель: именно в исконном африканском фольклоре «львиную долю составляют рассказы, объясняющие появление смерти» [Березкин 2013: 14] (и см. также: [Березкин 2013: 31–71]).

к смерти. Но потом возникали новые вопросы, и требовались новые ответы, и неясно, найдут ли люди когда-нибудь окончательное решение.

На этом пути было много гениальных прозрений и озарений, было и много тупиков и ошибок. Это путь познания, на который вынужден был вступить человек, осознавший себя как личность. Не мудрено, что с момента этого осознания произошла «радикальная смена вектора естественного отбора»: до отбора ли тут? До потомства ли? Осознав себя личностью, осознав свою — и всех людей! и потомства! — неизбежную смертность, человек — а это уже человек — все свои силы, всю мощь своего интеллекта должен был, чтобы не сойти с ума, бросить на решение этой дилеммы. Индивидуальной мощи оказалось мало — потребовалась объединенная интеллектуальная мощь всей группы. Символическое общение стало жизненной необходимостью. И выживать и давать потомство стали не те общности, у которых было больше пищи, а те, которые быстрее нашли ответ на самый страшный вопрос: «Как это — я смертен?» А чтобы найти ответ на этот вопрос, потребовался интеллект — и все с ним связанное: язык, коммуникация, передача информации синхронная и диахроническая... И тут уже прав Марков: «Любая мутация с минимальным положительным влиянием на интеллект сразу поддерживается отбором». Потому что иначе — не отставание в развитии, не эволюционный проигрыш, а безумие и смерть. Заработала во всю мощь положительная обратная связь, и в результате сапиенсы получили такое громадное преимущество перед другими, какого не давала ни физическая мощь неандертальцам, ни клыки и когти хищникам, ни численность другим предкам человека.

Этим, наверное, и объясняется стремительность перехода: миллионы лет эволюции и вдруг — практически мгновенно — за несколько тысяч лет — прорыв, «революция в эволюции», перевод стрелки на рельсах, благодаря чему — пишет А.Г. Козинцев, — «путь, на который встали предки человека, необратимо удалился от эволюционных путей всех прочих живых существ».

Мне почему-то кажется, что все так и было.

Библиография

Березкин Ю.Е. Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. СПб.: Наука, 2013.

Виноградов В.В. История слов. М.: Ин-т русского языка РАН, 1994.

Марков А.В. Эволюция человека. Кн. 2. Обезьяны, нейроны и душа. М.: Астрель, 2012.

Томаселло М. Истоки человеческого общения. М.: Языки славянских культур, 2011.

Numbers R. The Creationists: From Scientific Creationism to Intelligent Design. Berkeley: University of California Press, 2006.

Николай Вахтин